

Письмо и ритуал: лирическая социология Эбботта и ускользящий метод Ло

НАТАЛИЯ А. ВОЛКОВА

Kazakhstan Sociology Lab, Астана, Казахстан;

BISAM Central Asia, Алматы, Казахстан

<https://orcid.org/0000-0002-6798-963X>

Рекомендация для цитирования:

Волкова Н. А. (2026) Письмо и ритуал: лирическая социология Эбботта и ускользящий метод Ло. *Социология власти*, 38 (1): 133-153
EDN: LTQJKR

For citation:

Volkova N. A. (2026) Writing and Ritual: Abbott's Lyrical Sociology and Law's Elusive Method. *Sociology of Power*, 38 (1): 133-153

Поступила в редакцию: 26.12.2025;
прошла рецензирование: 03.02.2026;
принята в печать: 13.02.2026
Received: 26.12.2025; Revised:
03.02.2026; Accepted: 13.02.2026

© Author, 2026

This article is an open access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution (CC BY) license (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

Резюме: Статья рассматривает проблему чувствительного (sensible) объекта и исследования чувствительных тем в социологии на примере пилотного исследования корейской диаспоры в Алматы (Казахстан), проведенного в 2025 году, включавшего интервью с представителями диаспоры, а также анализ ее институциональной среды. С теоретической точки зрения исследование чувствительных тем и объектов требует отказа от «сильных» нарративов, как позитивистских, так и конструктивистских, доминировавших в социологии до начала 1990-х годов. Обращение к «слабым» описаниям, которое стало активно развиваться с началом 2000-х годов, рассматривается в статье на примере двух подходов: лирической социологии Эндрю Эбботта и ускользящих (заботливых) исследований Джона Ло. Хотя между двумя подходами нет теоретических или методических пересечений, в статье показано, что они работают с проблемой субъективности и их методы дополняют друг друга, что позволяет предложить полноценную альтернативу «сильному» социологическому нарративу. На эмпирическом примере публичной репрезентации корейской диаспоры в Казахстане и ее ускользящего характера показано, как могут дополнить друг друга на разных уровнях приближения к объекту и обнаружения его чувствительности сильные нарративы, лирические описания и ускользящие исследования. В результате сделан вывод о том, что один и тот же объект исследования может принимать в различных ситуациях и устойчивую, открытую для обсуждения, или сен-

стивную, чувствительную форму: изменчивый характер объекта, его недоступность для формализации и четкого описания делают его ускользящим и чувствительным к взглядам извне.

Ключевые слова: лирическая социология, заботливое исследование, чувствительный объект, чувствительные темы, корейская диаспора, Казахстан, слабые описания, сильные нарративы

Writing and Ritual: Abbott's Lyrical Sociology and Law's Elusive Method

Natalia A. Volkova

Kazakhstan Sociology Lab, Astana, Kazakhstan;

BISAM Central Asia, Almaty, Kazakhstan

<https://orcid.org/0000-0002-6798-963X>

134

Abstract: The article examines the problem of the sensible object and research on sensitive topics in sociology, using a pilot study of the Korean diaspora in Almaty (Kazakhstan) conducted in 2025, which included interviews with diaspora representatives as well as an analysis of its institutional environment. From a theoretical perspective, studying sensitive topics and objects requires abandoning 'strong' narratives, both positivist and constructivist, that dominated sociology until the early 1990s. The turn toward 'weak' descriptions, which began to develop actively in the early 2000s, is examined in the article through two approaches: Andrew Abbott's lyrical sociology and John Law's 'care-ful research'. Although there are no theoretical or methodological intersections between the two approaches, the article demonstrates that they work with the problem of subjectivity; moreover, their methods complement each other, making it possible to offer a full-fledged alternative to the strong sociological narrative. Using the empirical example of the public representation of the Korean diaspora in Kazakhstan and its elusive character, the article shows how strong narratives, lyrical descriptions, and elusive research can complement each other at different levels of approaching the object and discovering its sensibility. As a result, it is shown how the same research object can take on a stable, open-to-discussion form or a sensitive, sensible form in different situations, and how the object's variable character, its inaccessibility to formalization and clear description, make it elusive and sensitive to external approaches.

Keywords: lyrical sociology, care-ful research, sensible object, sensitive topics, Korean diaspora, Kazakhstan, weak descriptions, strong narratives

Введение

В поезде Астана — Алматы приветливый мужчина пригласил после заката всех в купе к совместной трапезе: настало время уразы и спутники стали разговорчивей. Меня он спросил не только

о том, во что я верю, но и какой я национальности. Пожив в Казахстане уже полгода, я не удивилась этому вопросу — он был вполне обычным. Дежурно ответила, что по паспорту русская и паспорт российский. На это мой собеседник удивился: а на самом деле? На этот вопрос столь же привычно обрисовала ближайшие ветви семьи до прапрадедушек и -бабушек, их сложные переезды и пересечения разных судеб. Собеседник понимающе качал головой и стал делиться историей своей семьи: в Казахстане далекими корнями и переездами, особенно в постсоветское время, мало кого удивишь. «А поехать на историческую родину ты не собираешься?» — завершил этот обмен семейными биографиями мой собеседник. Смеясь, ответила, что официальных документов или свидетельств осталось мало, только воспоминания, так что они относятся скорее к ускользающим фактам.

Годом позже, начав брать в рамках большого проекта интервью с корейской диаспорой в Алматы, вспоминала этот разговор об ускользании этнической идентификации. Несмотря на яркую публичную репрезентацию корейской диаспоры в городе и стране, этническая идентификация многими моими собеседниками разного возраста не позиционировалась четко. Вопрос об этничности часто воспринимался как слишком прямой и отчасти чувствительный. Для поддержания разговора необходимо соскальзывать к отдельным частным деталям и к ставшим повседневными ритуалам. Возник вопрос, что делает объект чувствительным, от чего зависит превращение открытой для обсуждения при первом знакомстве темы в чувствительную при детальном разговоре.

135

Чувствительные темы и «слабые методы»

Проблема работы с чувствительными темами этическая, и в этом смысле эмпирическая социология возникла из особого типа этики и морализаторства. Исторически эмпирические исследования в социологии выросли из социальных обследований бедного городского класса и рабочих в Европе (Brooke 2018; Bernardeau Moreau 2015), а проблема доступа в поле всегда остается так или иначе вопросом проникновения за чувствительные границы и соприкосновения с частной, непубличной жизнью. В изменении отношения к чувствительным границам в социологии можно условно выделить три способа взаимодействия с ними. *Позитивистский подход* продолжает традицию социальных обследований XIX века, когда они выстраивались в логике государственного регулирования, а в современных условиях приобретают форму подхода, основанного на данных (data-driven/computational research) (Lazer et al. 2009) и доказательных исследованиях (evidence-based research) (Parra Saiani 2018). *Классиче-*

ский антропологический подход во многом остается наследником поздних колониальных империй. С опорой на него выполнен корпус исследований, проводившихся в чужой культуре путешественниками от Малиновского до раннего Бурдые (Wacquant 2004). Наконец, релятивистский подход возникает при изменении объекта исследования с чужих культур на современную повседневность и поворота к материальности (Латур 2006) — исследования материальности как «Другого» для социального пространства.

Релятивистский подход фокусируется не столько на объекте описания, сколько на техниках письма как основном инструменте, и пытается откалибровать физические и социальные техники пересечения чувствительных границ и представления скрытой реальности. Однако уже в рамках релятивистского подхода отказ от внешней — сильной — позиции исследователя по отношению к полю происходит не сразу: тенденция к «сильным описаниям» в рамках социологии знания или культурсоциологии сохраняется до конца XX века (Куракин 2010). И только в начале 2000-х годов окончательно формируются два способа говорить о чувствительных границах внутри ситуации взаимодействия исследователя с полем: лирическая (процессуальная) социология Эбботта (Abbott 2007, 2016) и ускользящие¹ (заботливые) исследования Ло (Law 2021, 2022).

136

Оба подхода, возникшие независимо друг от друга², работают в одной системе координат формальной социологии, но противопоставляют два способа формализации: истории как нарратива, состоящего из последовательности событий, и описания как организации воображаемого, которое складывается в цельное изображение. Попытка объединить подходы Эбботта и Ло будет формальной, поскольку принципы организации воображения у двух исследователей отличаются. Для Эбботта ключевыми являются поддержание ощущения «здесь и сейчас» текущего (но, возможно, длительного)

1 Обычно “care-ful research” переводятся на русский как «заботливые исследования», см.: (Мол 2017), но представляется, что семантика может быть гораздо богаче, например, если рассматривать небуквальный перевод как «ускользающий, исчезающий», что делает контраст между заботой и сильной программой культурсоциологии острее, см. пример такого использования слова в статье: (Куракин 2011). Этот вариант перевода также позволяет сохранить связь с другим значением заботы как «ухода» за большим и «ухода» как производного от слова «уходить». Примеры такого значения слова «забота» в работах коллеги Ло Вики Синглетон, а также в российских исследованиях: (Singleton 2010; Мохов 2022).

2 Эбботт упоминает STS один раз в статье 1995 года как версию сетевого анализа (Abbott 1995), а исследователи, близкие к STS, цитируют Эбботта только начиная с 2010-х годов (Strathern 2011).

момента и способность автора разделить свое эмоциональное состояние с читателем в реальном времени (Abbott 2007, 2016; см. также: Lim 2019). Для Ло эмоции остаются неявным инаковым измерением социальной реальности, которое будет открываться читателю и наблюдателю через аллегорические знаки и разрывы в социальной реальности (Moser, Law 1998).

Эббот делает акцент на цельности изображения и эмоциях, которые порождает срез настоящего, Ло интересуется способ видеть желания и надежды, которые стоят за эмоциями, о чем умалчивает описание и что открывается в его деталях и складках. Оба автора рассматривают описание как эстетический объект, но их способы работать с ним представляют две различные формы этики. У Эббота этическое возникает из эмоциональной синхронизации и умения автора вовлечь в свое пространство читателя, у Ло этическое образуется способом познания реальности и его допущениями, заложенным в организацию описания, которое он называет аллегорическим (Ло 2015). Но благодаря тому, что Эбботт и Ло говорят об организации описаний, можно предположить, что этические допущения, которые возникают в ситуации познания и описания реальности, определяют эмоциональный характер изображаемого. Таким образом, можно говорить о том, что слабые методы социологического исследования проблематизируют этическое измерение в социологическом исследовании, но этическое выступает не как внешний моральный закон, а как способ синхронизации, в том числе ситуативной, различных индивидуальных установок — ценностных, статусных или формальных.

137

Приведу два примера. В социологической практике работы с чувствительными темами и границами акцент, как правило, делается именно на эмоциональном аспекте и возможности установления эмоционального контакта с собеседником. Именно этой особенности полевой социальной, в том числе антропологической, работы социология обязана активным импортом не только психологических метафор и способов познания, но и практических приемов и методов взаимодействия¹. Однако при этом не так явно акцентируется разница эпистемологических позиций двух дисциплин: там, где для психологии ключевым будет помочь пациенту восстановить искаженный способ взаимодействия с реальностью, для социологии основное — дать собеседнику максимально раскрыться, чтобы максимально раскрыть его способ описания мира, независимо от его допущений (искажений). Эмоциональная синхронизация в социальном исследовании позволяет преодолеть границу в досту-

1 Например, проективные методики, см.: (Rook 2006).

пе к этическим допущениям собеседника¹. Осознаваемый масштаб этих допущений будет определять степень чувствительности темы для собеседника и необходимый уровень эмоциональной вовлеченности для исследователя, чтобы разговор состоялся.

Другой пример относится к практике этических комитетов в университетах, работающих по европейским и американским стандартам. В этический комитет подается описание исследования, а также описание того, как предполагается коммуницировать с респондентами (в российской практике этические комитеты не столь распространены, но есть отдельные исследования по этическим вопросам исследований, см.: (Ипатова, Солодовникова 2023; Ипатова 2014)). В этом случае этическое описание определяется технически и принимает форму инструкции: как и в каком виде получать информированное согласие респондента на исследование, а также на дальнейшую публикацию данных, полученных от него, включая стратегию анонимизации (Tapscott, Мохон 2025). Здесь этика снова оказывается внешней регулирующей — «сильной» формой, которая формально определяет границы действия: как и с кем можно коммуницировать, как можно хранить данные, в какой форме их публиковать и какую степень детализации можно давать. Таким образом, этическая комиссия пытается ограничивать пространство этических допущений исследователя, не затрагивая при этом эмоциональную среду, которая и будет основой для практического установления контакта. Однако на практике в основе этих ограничений лежат не этические нормы, а необходимость предусмотреть юридические и связанные с ними риски в случае жалоб и недовольства участников исследования или же претензий со стороны регулирующих органов (Bell, Wynn 2023; Taylor, Patterson 2010).

138

Эти два примера показывают, как этические нарративы разворачиваются, когда вопрос этичности исследования становится сложным и противоречивым. Такое расплетение противоречивых нарративов и сетей возможно, если отказаться от погони за «сильным нарративом» и обратиться к ускользящему методу исследования, который предлагает Ло. Если же попытаться выйти из сети сложных и противоречивых нарративов и вернуться к лирическому письму Эбботта, эта смена перспектив совпадает с выбором тональности описания, которое позволяет выстраивать не нарратив, а строго формализованное лирическое описание.

Эбботт описывает характеристики времени (момента) и пространства (места) как индексальные, что позволяет представить

1 Пример обсуждения эмоциональной работы исследователя в процессе интервью: (Багина и др. 2021).

эмоцию, которая создается этими характеристиками, как текучую и воображаемую субстанцию (Abbott 2007). Такую эмоцию невозможно представить в виде нарратива, карты или анатомического изображения: картой становится формальное описание изменчивых характеристик. Исследователь в лирической социологии описывает чувствительность объекта описания к взаимодействиям и пространство возможных взаимодействий. Формальные этические рамки, которые определяются этическими комитетами, ограничивают внешним образом пространство возможных взаимодействий исследователя с объектом исследования, в то время как внутренние станут видимыми за счет этических допущений, необходимых для коммуникации.

Таким образом, точкой пересечения двух способов слабого описания Эбботта и Ло оказывается чувствительный и сложный объект. Однако на примере разговоров об этничности в Казахстане можно утверждать, что один и тот же объект может оказаться и открытым, и чувствительным. При этом переход от сильного описания объекта к слабому описанию дает возможность увидеть, от чего зависят подобные изменения в характере объекта: от формы его описания, ориентированной на организацию объекта и его отношения с другими объектами, или от метода и масштаба действия объекта. Можно предположить, что изменение характера объекта — превращение его из открытого в чувствительный — связано с тем, что он становится *инаковым* для сети отношений, в которые встроены, или его действие вызвано иными эмоциями, событиями или местами, нежели у схожих с ним объектов.

Далее на основе эмпирических материалов (8 глубинных интервью длительностью от 40 минут до двух часов), собранных в ходе пилотного этапа исследования в Алматы в мае-августе 2025 года, будет показано, как работает слабое описание этничности на примере корейской диаспоры в Казахстане и в Алматы и какие особенности функционирования этничности оно делает видимым. Существенной особенностью данного поля было то, что, хотя разговоры фокусировались вокруг корейской этничности, ключевым элементом для обсуждения стало переосмысление корейских ритуалов «четырёх столов»: четырех семейных или родовых праздников, которые сопровождают рождение человека, свадьбу, выход на пенсию (60 лет) и смерть¹. Однако поскольку целью данного текста является представить слабое описание, а не сильное, в центре

1 Среди других традиций также отмечают празднование корейского и гражданского Нового года, однако в интервью эти праздники реже упоминались в качестве специфически корейских, см.: (Yefremov et al. 2025).

которого было бы «обновление» традиционных ритуалов, акцент будет сделан не на самих ритуалах и способе их трансформации, а на особенностях описания ритуалов и на их роли в повседневной жизни. Сначала будет представлен общий контекст исследования, затем показаны лирическая версия и ускользящие моменты описания.

Сильные описания и их ограничения: публичная репрезентация диаспоры

140 Появление корейской диаспоры в Казахстане — это результат полуторавекового процесса миграции корейцев, который не ограничивается Казахстаном и даже Центральной Азией. Можно выделить пять этапов миграции корейцев в Казахстан. Первый этап связан с переселением корейцев на север на Дальнем Востоке во второй половине XIX века. Второй этап начинается с закрытием границы между Кореей и Российской империей и интеграцией корейцев в русское общество в конце XIX — начале XX века. Третий этап отмечен депортацией корейцев в Центральную Азию (Казахстан, Узбекистан, Кыргызстан) в 1937 году. Четвертый этап определяется переселением корейцев из других стран Центральной Азии в Казахстан во второй половине XX — начале XXI века. Пятый этап (лишь частично затронутый в рамках исследования) — миграция части молодых корейцев в Европу и Америку в 2010-х годах, части — в Южную Корею в поисках работы и возможностей самореализации.

Такое формальное — «сильное» описание показывает основные точки перемещения, однако не дает представления о том, как этот процесс перемещений влияет на традиционную корейскую культуру. Одновременно общий нарратив, описывающий миграцию корейцев на Дальний Восток и затем в Казахстан, представляет собой сильный сконструированный нарратив и остается принципиально аналитическим. В различных рассказах о перемещениях корейцев выступают разные элементы общего нарратива и делаются акценты, связанные с ними. Кто-то говорит о Дальнем Востоке, кто-то о потерянных связях с Южной Кореей, кто-то о переселении в Казахстан, кто-то о миграции между странами Центральной Азии, а кто-то об опыте миграции детей или своей собственной из Казахстана в другие страны. Фрагментарность нарративов отражает и фрагментарность диаспоры. Набор фрагментов указывает на наличие события, которое отличает «советских», а затем «казахских» корейцев от выходцев из Южной Кореи и от других диаспор, разбросанных по миру, в частности в США (Kokaisl 2018). Таким событием для корейцев в Казахстане является депортация и пере-

селение в Центральную Азию в 1930-е годы и связанные с этим лишения, которые пережили их семьи (Yefremov 2021).

Если следовать логике сильного нарратива, то такое событие — учреждающее для диаспоры — можно было бы определить как «абсолютное событие» (Филиппов 2004, с. 19), которое определяет этические, социальные и культурные практики диаспоры. Хотя переселение сформировало жизнь корейской диаспоры, оно не уникально в контексте советской истории Казахстана и коснулось большого количества этнических диаспор. Чертой, которая делает корейскую диаспору *инаковой* и отличной от других диаспор в период Независимости Казахстана, стало развитие бизнеса. Публичное лицо корейской диаспоры связано с успехом отдельных представителей диаспоры: в список Forbes-75 в Казахстане входят в 2025 году семь корейцев, а возглавляет его Вячеслав Ким, сооснователь банка Kaspi.kz (Букеева, Аульбекова 2025). При этом многие успешные бизнесмены корейской диаспоры начинали в 1990-х годах с простых форм бизнеса — продажи и перепродажи товаров, расширив в дальнейшем свой бизнес до отдельных фирм и крупных технологических компаний в банковской, финансовой и энергетической сферах.

Другой публичной формой репрезентации диаспоры и бизнеса являются культурные институции, расположенные в Алматы и частично в Астане: Ассоциация корейцев Казахстана (АКК), Государственный республиканский академический корейский театр в Алматы, газета «Коре ильбо», кафедра корееведения КазНУ им. Аль-Фараби, религиозные учреждения, преимущественно протестантские¹. Эта форма репрезентации возникла как низовая самоорганизация в начале 1990-х годов и затем получила официальный статус как часть Ассоциации народов Казахстана. Однако уже с 1997 года АКК стала активно управляться и финансироваться представителями бизнеса, когда ее председателем стал входивший в список Forbes Kazakhstan в 2014 году Юрий Цхай, который объединил разрозненные ячейки АКК в единую централизованную структуру. Как упоминал в разговоре один из респондентов, корейская диаспора инициирует проекты, связанные не только с культурными событиями, но и с созданием девелоперских проектов. Например, представители корейской диаспоры участвовали в разработке концепции развития агломерации Алматы и четырех городов-спутников, включая Алатау, где «будет создан целый квартал в корей-

1 Эти учреждения появились как результат миссионерства в начале 1990-х годов, однако являются важной точкой сборки для молодого поколения казахстанских корейцев, которые оказываются сегодня под сильным влиянием Южной Кореи, см.: (Королёва 2010).

ском стиле для продвижения корейской культуры» (*кореец, мужчина, 50 лет*).

Официальные институты создают публичное, культурное лицо диаспоры, которая, по признанию моих собеседников, остается достаточно закрытой. Закрытость диаспоры выстраивается через ее приватный характер и семейные связи, независимо от того, будут их поддерживать собеседники или нет. Отчасти закрытость связана и с ориентацией на бизнес: в 2016–2018 годах в рамках АКК создан Деловой клуб АКК, а также Объединение корейских бизнес-клубов (ОКБК), которое связало корейских бизнесменов из Кыргызстана, Казахстана, Узбекистана и Российской Федерации (Ем, Ким 2023). В результате возникают две линии развития корейской диаспоры в Казахстане в третьем поколении¹: это культурные институции, связанные с проведением корейских дней культуры, гастролями театра, исследованиями, которые показывают, как представлена корейская культура и как ее можно переосмыслить, и бизнес-сообщества, куда доступ возможен только узкому кругу лиц и которые представлены в публичном поле только наиболее влиятельными фигурами.

142

Таким образом, в публичной корейской культуре Независимого Казахстана оформляется зона умолчания в публичной репрезентации, связанная с памятью о сложной истории корейцев и их принудительным переселением в Казахстан. Умолчание позволяет сохранить минимальную эмоциональность при упоминании трагических событий и не акцентировать эту тему в публичной культуре корейцев. Сильный нарратив, связанный с культурными и бизнес-сообществами, который определяет публичное лицо диаспоры, тем не менее остается *инаковым* по отношению к публичному нарративу южных корейцев, поскольку основан на стратегии умолчания о разрыве с ними и переселении с Дальнего Востока.

Таким образом, хотя у корейской диаспоры в Казахстане есть сильный публичный нарратив, связанный с культурными репрезентациями, она неявным образом обладает двойной *инаковостью*: и для других диаспор за счет развития бизнеса, и для южных корейцев за счет длительного разрыва коммуникации и отношений. Обнаружение этой *инаковости* в разговоре с чужаком-исследователем оказывается чувствительным, поскольку требует ее формального описания. В разговоре лицом-к-лицу с чужаком этничность описывается как слабая форма, не влияющая явным образом на повседневную жизнь и существующая только в виде домашних ритуалов

1 По оценкам представителей диаспоры — от 30 лет и старше, см.: (Ем, Ким 2024).

и праздников — семейных, от встреч рода до бизнес-мероприятий. Таким образом, возникает слабая версия описания этничности, которая отражает отношения внутри диаспоры и делает видимыми границы и пространства *инаковости*, даже если она может быть отражена лишь как лирическое описание.

Слабые описания: принятие четырех столов

В пространстве между публичной репрезентацией корейской культуры и непубличными клубами бизнесменов остаются повседневные традиции и обычаи, которые также изменяются и трансформируются в диаспоре. Далее будет представлено две версии таких изменений, происходящих в семейном кругу и в полупубличных кругах при празднованиях памятных семейных дат бизнес-элитой. Описания праздников строятся вокруг описания традиции принятия четырех столов, где столы являются индексальными обозначениями четырех этапов жизни — рождения, свадьбы, выхода на пенсию и смерти — и вместе описывают цикл жизни человека, семьи и рода. Этапы, которые обозначает каждый из столов, не являются фиксацией события как факта, а скорее представляют собой моменты, которые небуквальным, инаковым, аллегорическим образом объединяют повседневность и настоящее с прошлым через подведение итогов и с будущим через предсказания.

143

Традиция «получения четырех столов», как она фигурировала в рассказах моих собеседников, была описана Л. Мин (Мин 1992). Автор ссылается на своих коллег, анализировавших традиции корейской диаспоры в других регионах, в частности на Кубе. Исследователи выделяли четыре ключевых семейных праздника и связанные с ними ритуалы как отличительную черту корейской культуры. Такое выделение и название четырех праздников именно как «четыре столов» может быть связано также с ролью стола как важной части корейских ритуалов, что показано и в современных исследованиях традиционной корейской культуры (Yoon 2008). При этом можно отметить, что выделение именно четырех, а не трех столов характерно для Центральной Азии и Казахстана, в России чаще говорят о трех столах, исключая последний, связанный с похоронами (Каменских 2024).

Можно утверждать, что традиция соблюдения или «принятия» четырех столов является репрезентацией этничности как слабой формы, но она организует диаспору и определяет ее неявную инаковость. Традиция четырех столов не представляет собой единого, неделимого ритуала, она описывает отдельные точки — события, которые маркируют переход человека из одного периода жизни

в другой. Однако, хотя четыре стола обозначают прерывность человеческой жизни, они же показывают способ избежать «двойной смерти», о которой пишет Харауэй, — смерти рода (Харауэй 2020), и в более широком плане — диаспоры. Четыре стола определяют единство семьи и рода между поколениями от рождения одного до его угасания, когда уже появилось следующее.

Хотя традиция принятия четырех столов описывается как исконно корейская, из-за почти полуторавекового разрыва с коренным населением Кореи, миграций и перемещений, в современной диаспоре Казахстана она начинает обретать новые интерпретации. В переосмыслении значения действий также отражается слабая форма ритуала, его формальный, а не символический характер. Далее будет показано, как два типа слабого описания формы ритуала — лирическое и ускользящее (аллегорическое) — воплощаются в двух типах взаимодействий в диаспоре в зависимости от степени их публичности. В рассказах о столах в семейном кругу и на частных собраниях рода можно наблюдать лирическое описание с акцентом на эмоции. Когда речь идет о полупубличных мероприятиях в бизнес-элите, ритуал получает аллегорическое, небуквальное прочтение для выстраивания связи с повседневными практиками и способом их описания.

144

В семейном кругу четыре стола представляются как традиция, которая передается от старших младшим и становится ясной для молодых, когда они выстраивают для себя отношения внутри семьи: либо возглавив семью, либо ощущая свои обязательства по отношению к старшим. При этом отнесение себя к корейской диаспоре, как видно из цитат ниже, связано, прежде всего, не с верой или религиозностью, а с особым типом знанием, то есть с умением правильно поддерживать порядок ритуала и, как будет видно в дальнейшем, правильно интерпретировать символы, которые используются в ритуале. Такого типа знание не является исключительно культурным артефактом, но направлено на регулирование и выстраивание соответствующих эмоциональных отношений.

«Я вот сейчас понимаю родителей, потому что сам стал родителем, и вот когда какие-то крупные праздники... Ну вот у корейцев есть несколько таких праздников. Это вот рождение ребенка, это потом его свадьба, потом Хангаби, это 60-летний юбилей, когда тебе исполняется, и похороны. И вот четыре, как бы называются, четыре стола. Вот два стола должны накрываться родителями, а два последующих стола, то есть юбилей и похороны, должны уже накрываться детьми. И вот соблюдение вот этих четырех столов, вот это вот и до сих пор нами, всеми корейцами поддерживается. Дело в том, что без стариков никак. Только они помнят, как это все надо делать. И поэтому любой там праздник, особенно похороны, конечно, когда дети должны делать похороны своим родителям, они ничего уж не знают» (кореец, мужчина, 50 лет).

«И мне очень понравилась последняя Хангаби, на которой я была. Это было 60 лет у мамы мужа моей тётки. И она нас пригласила, было уйма просто людей, очень большой праздник. Десятки, человек 60 точно было. Ну в целом корейские праздники, они такие масштабные, там всех коллег зовут, всех родственников с разных городов тоже приглашают. <...> И я даже старшему брату говорю так, смотри, нашему папе (кореец) сейчас 53, через 7 лет мы с тобой будем устраивать Хангаби. Уже начинаю копить. Ну да, это большая ответственность. Еще там на Хангаби очень есть интересная традиция, я не помню, как она называется, но, на мой взгляд, самая душевная. Это уважительный поклон маме или папе. Получается, расстилается красный ковер по желанию, просто такой ковричек расстилается, и на колени встают сын, жена и дети. Также дочка, муж и дети. И торжественно кланяются маме в благодарность за то, что она сделала для семьи» (корейка, женщина, 20 лет).

Приведенные цитаты показывают, что хотя в рамках семейного соблюдения традиций важны отдельные элементы традиции, такие как упомянутый поклон старшим в благодарность за их заботу о семье, они являются поводом для того, чтобы собрать различных родственников, и способствуют поддержанию семейных отношений в рамках рода. Это особенно важно, учитывая, что в целом, по замечанию моих собеседников, корейские семьи редко бывают большими — 3–4 человека в семье. Только если семья живет в одном месте, как, например, описывала другая собеседница из Караганды, вместе могут жить несколько поколений — от 5 до 8 человек.

145

Другой отличительной особенностью диаспоры является то, что, описывая себя как корейцев, даже дети из смешанных браков соблюдают в отношении своих старших корейских родителей обычаи, таким образом привнося дух корейской культуры в смешанные семьи. В такой восприимчивости к обычаям, а также в том, что в современных семьях далеко не всегда родители настаивают на чистом этническом браке, проявляется открытость диаспоры на уровне частной жизни, которой тем не менее нет в жизни публичной. Ритуалы перестают быть привязаны к жесткой семейной иерархии и становятся скорее инструментом взаимодействия и способом сборки семейного рода как сообщества, связанного общими родственниками, который поддерживается за счет выстраивания эмоциональных связей — уважения, поддержки, принятия — формирующих инаковость диаспоры, поддерживая одновременно ее устойчивость.

Вопрос о наличии необходимого знания становится еще более важным при изменении ритуала для полуофициальных праздников корейской бизнес-элиты. В конце 1990-х годов с развитием корейского бизнеса возникла необходимость начать организовывать семейные праздники четырех столов не только внутри семьи, но и наподобие казахских тоев в ресторанах. В случае организа-

ции больших праздников интерпретация ритуалов преобразуется в небуквальную — аллегорическую интерпретацию устоявшихся символов, что позволяет выстроить жесткий сценарий действия. Здесь ритуалы, которые до того соединяли только род, начинают выстраивать связи в сети деловых и бизнес-отношений.

Один из моих собеседников разработал схему для такого рода праздников на основе традиционной драматической схемы из европейской традиции: завязка, развитие и кульминация, развязка. Так традиционное застолье оказалось разделено на три, между которыми были вставлены музыкальные антракты с исполнением традиционных номеров с корейскими танцами или песнями. Первое застолье — «открывашка» — связано с приветствием гостей, когда подается первое угощение и происходят основные ритуальные действия. Второе застолье организовано более свободно, где больше места отводится угощению и происходит непринужденное общение. Третья часть — заключительная и ответная от родителей ребенка, жениха с невестой, юбиляра или детей, которые провожают своих родителей в последний путь. Таким образом, индексальность, которая в семейных праздниках связывает семью и род, в бизнес-элите проникает еще глубже: индексами ритуала становятся этапы действия — «застолья» — и сам ритуал становится циклом таких застолий-индексов, которые отсылают к центральному событию-столу.

146

В результате традиционный ритуал оказывается развит и встроен в серию неритуализированных элементов, связанных с корейской культурой через искусство и кухню, не несущих ритуального смысла. Он выполняет роль особого, организующего каркаса для праздничных взаимодействий. Однако введение неритуализированных элементов требует более внимательного отношения и к ритуальной части. В неритуализированной части усиливается эмоциональная или чувственная составляющая, связанная с непосредственным восприятием происходящего. Ритуалы приобретают аллегорическую интерпретацию, так как они уже не связаны непосредственно с повседневным бытом. Ритуальная часть традиции, отражающая инаковость диаспоры в публичном поле, еще больше истончается и становится ускользящей, но она не исчезает и поддерживается благодаря повторению застолий в течение праздника и общей рамке традиции четырех столов. Вот как это описывал мой собеседник:

«Я рассказывал, откуда растут эти корни. Почему там на столике у ребенка, когда он выбирает свою жизнь, как бы на годике, там ножницы, например, что означают. Все думали. Все думали, что портным будет. Никаким не портным. Это значит, что у него руки хорошие, и у него склонность к инструментам. Соответственно, он будет мастером. Нитка. Все тоже думали. Нитка для того, чтобы, допустим, он тоже будет портным, раз ножницы, значит, и нитка. Ничего подобного. Нитка это «чуль» по-корейски, это значит длинная жизнь.

Она означала длинную, долгую жизнь. Книжку все думали. Ученым будет. Никаким не ученым. Он, если до книжки дотрагивался, в Корее имели возможность стать образованными только высшая каста и чиновники. Соответственно, если ребенок дотрагивался до книги, соответственно, он будет чиновником. Он будет образованным. То есть вот там такая иерархия» (кореец, мужчина, 45 лет).

Аллегорическая — небуквальная интерпретация традиционных элементов ритуала возникает в корейской диаспоре при подготовке бизнес-мероприятий благодаря изучению первоисточников, работе с источниками на корейском языке, общению со старшим поколением и корееведами. Небуквальное прочтение традиций позволяет более полно ввести традиционную корейскую символику в современную структуру отношений, а профанное обрамление дает возможность соотнести традиционные формы с повседневными ритуалами горожан и деловых кругов и одновременно скрыть инаковый характер диаспоры, оставляя на поверхности культурную экзотику. Благодаря разделению аллегорической интерпретации традиционных символов и эстетических культурных форм становится возможным описание современных отношений на языке традиционных ритуалов.

В конечном итоге индексами отношений в диаспоре оказываются предметы на столе, их пространственное отношение (расположение на столе ближе/дальше) и их способ интерпретации значения объектов, то есть перевод их отношений и значений из буквальной формы в аллегорическую. Ядром традиции оказывается умение организовать настоящее, прошлое и будущее за счет предсказания и интерпретации знаков-индексов, организации их отношений и связей между ними. Так, например, на праздник толь, когда ребенку исполняется год, ребенок в качестве предсказания выбирает не один, а три предмета со стола, которые символизируют его будущую судьбу. В такой опоре на небуквальное, аллегорическое прочтение знаков можно увидеть чувствительность традиции к изменчивым условиям и скрытую инаковость как основу организации диаспоры. Несмотря на наличие строгих ритуалов и иерархии, традиции диаспоры гибко встраиваются в схожие по формам социальные нормы и институты и подчиняются им как более слабая форма действия, которая сохраняет неявную и текучую связь с собственной, иной традицией выстраивания отношений через эмоциональные связи или небукральные интерпретации.

147

Заключение

В том, как разговор об этничности становится из открытого для обсуждения предмета чувствительной темой, на примере корей-

ской диаспоры можно выделить характерную особенность последней: сложности возникают, когда разговор заходит не об официальных и публичных репрезентациях, а об отражении традиционной культуры в повседневных практиках. В то же время эти сложности характерны не только для молодых корейцев, что было бы объяснимо их интеграцией в казахскую культуру, поскольку они родились и выросли в Казахстане. При этом наличие сильного внешнего нарратива о переселении в Казахстан не делает тему этничности менее чувствительной при более личном взаимодействии. В рамках повседневных практик даже самые старшие представители диаспоры не выделяют явным образом черты, которые наиболее способствуют ее объединению. Однако и молодое, и старшее поколение упоминает и описывает традицию четырех столов, способ поддержания и организации которой в Казахстане отличает казахских корейцев от южных корейцев или других корейских диаспор. Таким образом, отличительной чертой устойчивого для обсуждения объекта выступает степень формализации его описания: высокая степень формализации становится отправной точкой для безопасного и легкого входа в обсуждение. В то же время, когда объект оказывается более чувствительным и изменчивым, требуется более гибкая стратегия формализация.

148

Особенностью обсуждения внутри корейской диаспоры проблемы этничности выступает разрыв между формальной, публичной репрезентацией диаспоры как культурного и бизнес-актора и изменчивостью или текучестью форм корейских традиций в современном Казахстане (Ло 2006). Этот разрыв показывает, как образуется и действует инаковость объекта и как она начинает проявляться в форме его чувствительности. Хотя степень формализации публичного описания объекта важна, не менее существенным оказывается то, насколько это формальное описание является репрезентацией способа действия объекта, или же способ действия объекта и его изменчивость оказываются текучими по отношению к внешней форме.

Для корейской диаспоры эта текучесть проявляется в том, что способ действия традиции связан с встраиванием в существующие формы взаимодействия и институты при точечном, индексальном и неявном сохранении связи с традиционным способом интерпретации знаков и отношений между ними. Таким образом, когда обсуждение касается не внешних формальных атрибутов, а инаковости корейских традиций — это оказывается чувствительной темой, поскольку такая инаковость не репрезентуется явно и максимально локализуется в отдельных событиях, этапах событий, предметах и эмоциональной организации взаимодействия с ними. Однако даже в этом случае обращение к формальному описанию традиции

позволяет выстроить рамку для взаимодействия в ситуации сложных и противоречивых тем и детализировать это описание инаковых характеристик объекта.

Таким образом, слабые описания позволяют показать чувствительные границы объекта и делают видимыми характер его инаковости по отношению к существующему порядку отношений. В то же время сильные нарративы об объекте не дают такой возможности и описывают явные и устойчивые отношения между объектами. Инаковость объекта проявляется в степени его изменчивости и способности принимать различные формы и конфигурации, которые влияют не только на исходный объект, но и на его отношения с другими, а также конфигурацию сети объектов. При этом необходимо учитывать оба типа слабых описаний — и буквальные лирические, и небуквальные аллегорические описания. Тогда изменения в описании объекта от сильного нарратива к лирическому и аллегорическому рассказу дают доступ к изменчивому характеру объекта и возможность чуткого, заботливого взаимодействия с ним.

Финансирование / Funding

149

Статья опубликована в рамках реализации проекта ИРН AP23489903, финансируемого КН МНВО РК.

This article was published as part of the IRN AP23489903 project, funded by the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan.

Список источников / References

Багина Я. А., Говорова А. Д., Нарьян С. К. (2021) «Один в поле не воин» или «третий лишний»? Тандемные интервью в качественном исследовании. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, (4), с. 53–76. DOI: 10.14515/monitoring.2021.4.1986. EDN: BPKUWU

— Bagina Ya.A., Govorova A. D., Naryan S. K. (2021) “One in the Field is Not a Warrior” or “Three’s a Crowd”? Tandem Interviews in Qualitative Research. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, (4), pp. 53–76. DOI: 10.14515/monitoring.2021.4.1986. — in Russ.

Букеева А., Аульбекова А. (2025, май 8) 75 богатейших бизнесменов Казахстана-2025. *Forbes Kazakhstan*. <https://forbes.kz/articles/75-bogateyshih-biznesmenov-kazahstana-2025>

— Bukeeva A., Aulbekova A. (2025, May 8) 75 Richest Businessmen of Kazakhstan-2025. *Forbes Kazakhstan*. <https://forbes.kz/articles/75-bogateyshih-biznesmenov-kazahstana-2025>. — in Russ.

Ем Н., Ким В. (2023) Анализ трансформации этнического предпринимательства: процессы и особенности исследований бизнеса коре сарам. *Journal of Oriental Studies*, 104(1), pp. 46-58. <https://doi.org/10.26577/JOS.2023.v104.i1.06>.

— Yem N., Kim V. (2023) Analysis of the Transformation of Ethnic Entrepreneurship: Processes and Features of Kore Saram Business Research. *Journal of Oriental Studies*, 104(1), pp. 46-58. <https://doi.org/10.26577/JOS.2023.v104.i1.06>. — in Russ.

Ем Н., Ким В. (2024) Стратегии социальной адаптации: жизненные истории третьего поколения корейцев Казахстана. *Journal of Oriental Studies*, 110(3), pp. 16-24. <https://doi.org/10.26577/JOS.2024.v110.i3.02>.

— Yem N., Kim V. (2024) Social Adaptation Strategies: Life Stories of the Third Generation of Koreans in Kazakhstan. *Journal of Oriental Studies*, 110(3), pp. 16-24. DOI: <https://doi.org/10.26577/JOS.2024.v110.i3.02>. — in Russ.

Ефремов Е. А. (2021) Influence of the multiethnic environment on the diasporic identity of Koreans in Kazakhstan. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика*, 13(4), сс. 519-529. DOI: 10.21638/spbu13.2021.404. EDN: VFOLET.

— Efremov E. A. (2021) Influence of the Multiethnic Environment on the Diasporic Identity of Koreans in Kazakhstan. *Vestnik of Saint Petersburg University. Asian and African Studies*, 13(4), pp. 519-529. DOI: 10.21638/spbu13.2021.404. — in Eng.

150

Ипатова А. А. (2014) Насколько разумна наша вера в результаты опросов, или Нарушение исследовательской этики в социологических исследованиях. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, 3 (121), с. 26-39. DOI: 10.14515/monitoring.2014.3.02. EDN: SIGFPR.

— Ipatova A. A. (2014) How Reasonable is Our Belief in Survey Results, or Violations of Research Ethics in Sociological Studies. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 3 (121), pp. 26-39. DOI: 10.14515/monitoring.2014.3.02. — in Russ.

Ипатова А. А., Солодовникова О. В. (2023) Опрос подростков: этические вопросы и правовое регулирование. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, 1 (173), с. 3-19. DOI: 10.14515/monitoring.2023.1.2324. EDN: WPETOC.

— Ipatova A. A., Solodovnikova O. V. (2023) Surveying Adolescents: Ethical Issues and Legal Regulation. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 1 (173), pp. 3-19. DOI: 10.14515/monitoring.2023.1.2324. — in Russ.

Каменских М. С. (2024) Нематериальное этнокультурное достояние в диаспоральных сообществах: пример российских корейцев. *Вестник антропологии*, (3), с. 23-37. DOI: 10.33876/2311-0546/2024-3/23-37. EDN: WNFCPA.

— Kamenskikh M. S. (2024) Intangible Ethnocultural Heritage in Diasporic Communities: The Example of Russian Koreans. *Herald of Anthropology*, (3), pp. 23-37. DOI: 10.33876/2311-0546/2024-3/23-37. — in Russ.

Королёва Е. В. (2010) Особенности миссионерской деятельности новых религиозных движений в современном Казахстане. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология*, (2), с. 27-40. EDN: LBWGQF.

— Koroleva E. V. (2010) Features of Missionary Activity of New Religious Movements in Modern Kazakhstan. *RUDN Journal of Sociology*, (2), pp. 27-40. — in Russ.

Куракин Д. (2010) «Сильная программа» в культуросоциологии: историко-социологические, теоретические и методологические комментарии. После-словие редактора спецвыпуска. *Социологическое обозрение*, 9(2), с. 155-178. EDN: NTYQPH.

— Kurakin D. (2010) “Strong Program” in Cultural Sociology: Historical-Sociological, Theoretical and Methodological Comments. Editor’s Afterword to the Special Issue. *Russian Sociological Review*, 9(2), pp. 155-178. — in Russ.

Куракин Д. (2011) Ускользающее сакральное: проблема амбивалентности сакрального и ее значение для «сильной программы» культуросоциологии. *Социологическое обозрение*, 10(3), с. 41-70. EDN: OPQEGT.

— Kurakin D. (2011) The Elusive Sacred: The Problem of Sacred Ambivalence and Its Significance for the “Strong Program” of Cultural Sociology. *Russian Sociological Review*, 10(3), pp. 41-70. — in Russ.

Латур Б. (2006) *Нового времени не было. Эссе по симметричной антропологии*. СПб.

— Latour B. (2006) *We Have Never Been Modern. Essay on Symmetrical Anthropology*. St. Petersburg. — in Russ.

Ло Д. (2006) Объекты и пространства. *Социологическое обозрение*, 5(1), с. 30-42. EDN: JWURNN.

— Law J. (2006) Objects and Spaces. *Russian Sociological Review*, 5(1), pp. 30-42. — in Russ.

Ло Д. (2015) *После метода: беспорядок и социальная наука*. Пер. с англ.; под ред. С. Гавриленко. М.: Изд-во ин-та Гайдара. EDN: TNACHX.

— Law J. (2015) *After Method: Mess in Social Science Research*. Transl. from English; Ed. by S. Gavrilenko. Moscow: Gaidar Institute Publishing House. — in Russ.

Мин Л. В. (1992) *Семейные традиции и обычаи корейцев, проживающих в Казахстане*. Алма-Ата: Общество психологов Казахстана (Психологический центр). URL: https://library-koresaram.com/f/kniga_min_lv_semejnye_tradicii_i_obychai_korejcev_kazahstana.pdf (дата доступа: 08.02.2026).

— Min L. V. (1992) *Family Traditions and Customs of Koreans Living in Kazakhstan*. Alma-Ata: Society of Psychologists of Kazakhstan (Psychological Center). URL: https://library-koresaram.com/f/kniga_min_lv_semejnye_tradicii_i_obychai_korejcev_kazahstana.pdf (Accessed 08.02.2026). — in Russ.

Мол А. (2017) *Множественное тело: онтология в медицинской практике*. Пермь: Гиле Пресс. EDN: LJXRPN.

— Mol A. (2017) *The Body Multiple: Ontology in Medical Practice*. Perm: Hyle Press. — in Russ.

Мохов С. В. (2022) Уход за умирающими и тяжелобольными людьми в позднем СССР (1960-1991): Практики, институты и влияние на современность. *Журнал исследований социальной политики*, 20(2), с. 323-334. EDN: MBYHVX.

— Mokhov S. V. (2022) Care for the Dying and Seriously Ill People in the Late USSR (1960-1991): Practices, Institutions and Impact on Modernity. *The Journal of Social Policy Studies*, 20(2), pp. 323-334. — in Russ.

Филиппов А. Ф. (2004) *Конструирование прошлого в процессе коммуникации: теоретическая логика социологического подхода*. Препринт WP6/2004/05. М.: ГУ ВШЭ. EDN: QODHXV.

— Filippov A. F. (2004) *Constructing the Past in the Process of Communication: Theoretical Logic of the Sociological Approach*. Preprint WP6/2004/05. Moscow: HSE. — in Russ.

Харауэй Д. (2020) *Оставаясь со смутой: заводить сородичей в хтулуцене*. Пермь: Hyle Press.

— Haraway D. (2020) *Staying with the Trouble: Making Kin in the Chthulucene*. Perm: Hyle Press. — in Russ.

Abbott A. (1995) Sequence analysis: New methods for old ideas. *Annual Review of Sociology*, 21(1), pp. 93–113. DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev.so.21.080195.000521>.

Abbott A. (2007) Against narrative: A preface to lyrical sociology. *Sociological Theory*, 25(1), pp. 67–99. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9558.2007.00298.x>.

Abbott A. (2016) *Processual sociology*. University of Chicago Press.

Bell K., Wynn L. L. (2023) Research ethics committees, ethnographers and imaginations of risk. *Ethnography*, 24(4), pp. 537–558. <https://doi.org/10.1177/1466138120983862>.

152

Bernardeau Moreau D. (2015) Intervention sociology: History and foundations. *International Review of Sociology*, 25(1), pp. 180–193. <https://doi.org/10.1080/03906701.2014.976952>.

Brooke M. (2018) *Le Play: engineer and social scientist*. London: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781351309646>.

Kokaisl P. (2018) Koreans in Central Asia — a different Korean nation. *Asian Ethnicity*, 19(4), pp. 428–452. <https://doi.org/10.1080/14631369.2018.1439725>.

Law J. (2021) From after method to care-ful research (a foreword). *Intimate Accounts of Education Policy Research*, pp. xvi–xx. London: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781003123613>.

Law J., Lin W. Y. (2022) Care-ful research: sensibilities from science and technology studies (STS). *The SAGE Handbook of Qualitative Research Design*, pp. 127–141. <https://doi.org/10.4135/9781529770278.n9>.

Lazer D., Pentland A., Adamic L., Aral S., Barabási A-L., Brewer D., Christakis N., Contractor N., Fowler J., Gutmann M., Jebara T., King G., Macy M., Roy D., Van Alstyne M. (2009) Computational social science. *Science*, 323(5915), pp. 721–723. <https://doi.org/10.1126/science.1167742>.

Lim I. T. (2019) The imaginary as method. “Lyrical sociology” as a heuristic of sociological description. *Österreichische Zeitschrift für Soziologie*, 44(Suppl 2), pp. 139–155. <https://doi.org/10.1007/s11614-019-00377-w>.

Moser I., Law J. (1998) Materiality, textuality, subjectivity: Notes on desire, complexity and inclusion. *Concepts and Transformation: International Journal of Action Research and Organizational Renewal*, 3, pp. 207–227. <https://doi.org/10.1075/cat.3.3.03mos?locatt=mode:legacy>.

- Parra Saiani P. (2018) Doing sociology in the age of “evidence-based research”: Scientific epistemology versus political dominance. *The American Sociologist*, 49(1), 80–97. <https://doi.org/10.1007/s12108-017-9358-9>.
- Rook D. W. (2006) Let’s pretend: projective methods reconsidered. In *Handbook of Qualitative Research Methods in Marketing*. Cheltenham: Edward Elgar Publishing. <https://doi.org/10.4337/9781847204127.00019>.
- Singleton V. (2010) Good farming: Control or care. *Care in Practice: On Tinkering in Clinics, Homes and Farms*, pp. 235–256. <https://doi.org/10.1515/transcript.9783839414477>.
- Strathern M. (2011) Binary license. *Common Knowledge*, 17(1), pp. 87–103. <https://doi.org/10.1215/0961754X-2010-040>.
- Tapscott R., Moxon S. (2025) Vulnerability in procedural ethics: A study of 44 national research ethics guidelines. *Qualitative Research*, 14687941251377266. <https://doi.org/10.1177/14687941251377266>.
- Taylor J., Patterson M. (2010) Autonomy and compliance: How qualitative sociologists respond to institutional ethical oversight. *Qualitative Sociology*, 33(2), pp. 161–183. <https://doi.org/10.1007/s11133-010-9148-y>.
- Wacquant L. (2004) Following Pierre Bourdieu into the field. *Ethnography*, 5(4), pp. 387–414. <https://doi.org/10.1177/1466138104052259>.
- Yefremov Y., Kim G., Yem N. (2025) Identities of The Korean Diaspora in Kazakhstan. *Diaspora Studies*, 1(aop), pp. 1–28. <https://doi.org/10.1163/09763457-bja10192>.
- Yoon S. S. (2008) *Festive occasions: the customs in Korea* (Vol. 24). Seoul: Ewha Womans University Press.

Об авторе / About the author

Волкова Наталья Алексеевна — выпускница МВШСЭН (“Шанинка”), руководитель отдела Ad-нос и комплексных исследований BISAM Central Asia (Алматы, Казахстан), преподаватель Kazakhstan Sociology Lab (Астана, Казахстан), MA in Sociology (University of Manchester), магистр градостроительства (ВШУ НИУ ВШЭ). Научные интересы: методы социальных исследований, социальная топология, социология права, социология города.

<https://orcid.org/0000-0002-6798-963X>. E-mail: chestrek@gmail.com

Natalia A. Volkova — alumni Moscow School of Social and Economic Sciences (MSESS), Head of Ad-hoc and Comprehensive Research Department, BISAM Central Asia (Almaty, Kazakhstan), Lector, Kazakhstan Sociology Lab, KSL (Astana, Kazakhstan), MA in Sociology (University of Manchester), Master of Urban Development (Vysokovsky Graduate School of Urbanism, Higher School of Economics). Research interests: methods of social research, social topology, socio-legal studies, urban sociology. <https://orcid.org/0000-0002-6798-963X>. E-mail: chestrek@gmail.com